

Д.С. Мережковский и В.Я. Брюсов (в спорах о Л.Н. Толстом)

Холиков Алексей Александрович

аспирант

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

alexey_kholikov@mail.ru

Подзаголовок работы относится преимущественно к Д.С. Мережковскому. В открытой полемике, связанной с именем яснополянского мыслителя и остро развернувшейся на рубеже веков (после засвидетельствования об «отпадении» Л. Толстого от церкви), В.Я. Брюсов предпочитал не участвовать. Его отношение к Толстому неоднократно освещалось отечественными исследователями с самых разных сторон. Особое внимание в их работах уделено «толстовскому» слою брюсовского эссе «О искусстве». Говоря о взаимоотношениях Брюсова и Мережковского, ученые, как правило, обращаются к истории участия лидера московских символистов в петербургском журнале Мережковских «Новый путь». Наименее изученным остается вопрос об отношении Мережковского к Толстому. Именно на нем мы постараемся сосредоточиться (мы не ставим целью всестороннее рассмотрение взглядов Д.С. Мережковского на личность Л.Н. Толстого и его творчество. Этой теме будет посвящена отдельная статья). Казалось бы, какое отношение к этому имеет Брюсов? Самое непосредственное. Через призму их с Мережковским отношений мы можем судить о тех переменах, которые происходили во взглядах Мережковского на жизнь и творчество Толстого.

Брюсов с юности относился к автору «Символов» как к одному из провозвестников русского символизма, всегда ценил его творчество, несмотря на появившиеся впоследствии разногласия. Отвечал ли Мережковский взаимностью? В частной переписке – да. Он даже называл Брюсова одним из своих «Вечных Спутников» [ОР РГБ, Ф.386, К.94. Ед.44. Л.29об.]. Однако так и не посвятил ему ни одной статьи, несмотря на многочисленные обещания. Следует сказать, что Брюсов и Мережковский никогда не переходили границу между тесным деловым сотрудничеством и дружбой. З.Н. Гиппиус называла их с Брюсовым отношения «сплошь внешними», а самого Валерия Яковлевича – «одержимым». Мы еще вернемся к этому определению в связи с оценкой Мережковского.

В дневнике Брюсова от 9 декабря 1898 г. читаем: «...пошли мы к Мережковскому... Сразу начал он говорить о моей книге и бранить ее резко... бранил еще больше, чем меня, Толстого, катался по постели и кричал: “Левиафан! Левиафан пошлости!”» [Брюсов 2002: 69]. Так, уже на второй день знакомства в отношениях Брюсова и Мережковского возникает Толстой. Случайно? Ничуть. В это время Мережковский работает над книгой «Л. Толстой и Достоевский». Но откуда столь резкое отторжение?

На заре своей юности Мережковский испытал сильное увлечение «толстовством», хотя вскоре разочаровался в нем. К фигуре Толстого он обращался еще до написания знаменитого трактата «Л. Толстой и Достоевский». В частности, в лекции «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Но в ней не было и намека на интонации, переданные Брюсовым. Конечно, далеко не все взгляды яснополянского мыслителя разделялись Мережковским уже в начале 1890-х гг., и чем больше идеи «нового религиозного сознания» овладевали писателем, тем значительнее становились его расхождения с Толстым. За несколько дней до так называемого «отлучения» Мережковский прочел лекцию о Толстом. Религиозные рассуждения последнего были названы «нравственной пошлостью», «богохульством» [Россия: 2]. Доклад похвалил чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода В.М. Скворцов, который 17 февраля 1901 г. писал К.П. Победоносцеву о важности слов Мережковского в борьбе с «толстовизмом». Через неделю Толстой был признан «отпавшим» от церкви. Впоследствии Мережковский изменит позицию: «...если вы отлучили от церкви Л. Толстого, то отлучите и нас всех, потому что мы с ним, а мы с ним потому, что верим, что с ним Христос» [Мережковский: 711].

После всего сказанного может возникнуть мысль о расчетливости Мережковского: в 1901 году решался вопрос о разрешении Религиозно-философских собраний в

Петербурге. Однако благодаря Брюсову мы знаем, что еще за три года до злополучного доклада и последовавшего вскоре постановления Синода Мережковский «катался по постели» и обвинял Толстого в той же самой «пошлости». Значит действительно так думал. Но почему? И вновь Брюсов помогает найти однозначный ответ. В одном из писем к нему Мережковский признается: «...культура для меня часть “культы” – религии» [ОР РГБ. Ф. 386. К. 94. Ед. 44. Л. 4]. С такой позицией очень трудно разделять взгляды человека, отвергавшего в своем позднем творчестве культуру как нечто бесполезное (конечно, были и другие расхождения). Почему же потом мнение Мережковского о Толстом изменилось? Трудно ответить однозначно. Возможно, импульсом к такой перемене стал личный визит Мережковских в Ясную Поляну. Именно Брюсов сообщает об этом в письме к Перцову от 17 мая 1904 г.: «Вы лучше меня знаете, что такое Д.С., – вернувшись от Толстого, он уже уверял, что Т. выше всех и всего...» [Брюсов 1937: 269].

Исследователи жизни и творчества Мережковского многим обязаны Брюсову. Говоря об истории с «отлучением» Толстого, современный ученый не вправе обвинять Мережковского в подлости (а такие обвинения звучали в его адрес). Тем не менее двойственность в поведении Мережковского была. Не только по отношению к Толстому, но и Брюсову. В одном из посланий А. Белому Мережковский пишет: «И в Брюсове – нечистая сила... Он... «бесноватый» – *тихий бесноватый*...» [Письма: 155] Как это определение – «бесноватый» – похоже на заглавие статьи Гиппиус о Брюсове – «Одержимый». Но кто же из них – Брюсов или Мережковский – был более одержим? Оставим этот ненаучный вопрос без ответа.

Литература

Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002.
Россия. 1901. № 643.

Мережковский Д. Лев Толстой и церковь // Он же. Не мир, но меч. Харьков–М., 2000. С. 711.

Валерий Брюсов и «Новый путь» / Публикация Д. Максимова // Литературное наследство. М., 1937. Т. 27–28. С. 296.

«Боря, Боря, мальчик мой любимый, единственный...» Письма Д.С. Мережковского Андрею Белому / Вступительная статья, публикация и комментарии А. Холикова // Вопросы литературы. 2006. № 1. С. 155.